

УДК 811.161.42 : 070 1

ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУРСИВНЫХ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

А. Б. Бушев

Тверской государственной университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

Статья посвящена теории дискурсивного анализа масс-медийных текстов – направлению исследований, которое характеризует бурное развитие в наше время. Рассматриваются истоки дискурс-анализа, концепции и идеи, важные для методологии анализа. Далее на фоне рассмотрения современного глобального медиадискурса (события в Ливии, постконфликтное урегулирование, дискурс протеста) иллюстрируется оригинальная техника, предложенная в работах автора. Выделяются виды стереотипий в такого рода дискурсах (оценки, аксиологическая лексика, банальные метафоры, штампы, термины с широкой семантикой). Выделяются также некоторые риторические ходы медийного дискурса, которые нуждаются в типологизации.

Ключевые слова: *дискурсивный анализ, медиадискурс, массмедиа, стереотипии, оценка, семантика.*

1. Истоки и метод

Дискурсивные исследования уже дано не понимаются столь узко – в том значении, как их понимал З. Харрис, для которого дискурс являл собой цепочку слов и предложений, анализируемую при помощи методов структурной лингвистики. Дискурс-анализ уже и не анализ ментальных схем, используемых людьми при понимании текста (так он трактовался в известных работах Т. ван Дейка 80-х годов). Дискурс – это сложная система иерархии знаний, включающая, кроме текста, еще и экстралингвистические феномены разного рода (знания о мире, мнения, цели, установки, идеология, властные отношения). Иными словами, дискурс-анализ – это интерпретация текста в конкретных исторических обстоятельствах, в конкретной культуре, в конкретных условиях.

Истоки дискурс-анализа общеизвестны: лингвистика, марксизм, психоанализ [12; 21; 22]. В основании теории дискурса находятся и семиотика, и социолингвистика, и коммуникативистика, и политология. История теории дискурса представлена такими именами, как А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, М. Бахтин, Ж. Делез. В разработку теории дискурса значим вклад Т. ван Дейка, П. Рикера, Я. Торфинга, Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, С. Бенхабиб, Ф. Бенетона, Н. Фэркло. Именно осмысление роли языка в социальной жизни заставляет говорить о методологии дискурс-анализа. Речь идет о выявлении социокультурных

предпосылок речевой деятельности, заставляющей нас говорить о той или иной степени ангажированности адресанта.

Среди работ, пытающихся осмыслить различные варианты дискурсных исследований, должно назвать «Дискурс-анализ. Теория и метод» скандинавских авторов Марианне В. Йоргнесен и Луизы Дж. Филипс [12]. Эти авторы приводят концепции, лежащие в основании разных дискурсивных подходов, приводят обширную современную библиографию вопроса. Однако приведены преимущественно исследования, ограниченные англосаксонским миром и выполненные на западноевропейском материале.

Такое направление когнитивных исследований, как критический анализ дискурса, представляется одним из наиболее институционализованных, оно получило в мировой науке признание благодаря работам Т. ван Дейка, Р. Водак [25].

Среди истоков дискурсных исследований – работы французских структуралистов (К. Бремон, Ж. Женнет, Ю. Кристева, Ц. Тодоров) и исследователей дискурса (М. Фуко, А. Греймас, П. Серю, М. Пеше, Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Растье), североамериканские структуралистские истоки теории дискурса (З. Харрис), которые приводят к постструктуралистскому исследованию дискурса. Иными словами, дискурсивные исследования проделали путь от прикладной лингвистики к политике и культуре. Сегодняшние дискурсивные исследования фундированы работами по постструктуралистской критике знака (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Дискурс-анализ в эпоху постнеклассической рациональности не может не включать в себя философских и онтологических предпосылок (Л. Альтюссер, Г. Маркузе, Г. Дебор). Труды Э. Лаклау и Ш. Муфф сформулировали оригинальный путь дискурсивных исследований политического дискурса: ядро политики – это дискурсивная реальность. Дискурсивны популизм, апартеид, идеология, государственный язык. Отсюда явственной становится значимость метода.

Легализация субъективного опыта, рефлексия субъективности – феномен на грани между неклассической и постнеклассической рациональностью. Среди концепций, повлиявших на теорию дискурса, – теория когнитивных конструкторов Дж. Келли, нарративный подход к анализу текста. Должно упомянуть и спектр новой исторической науки, нарождающейся после школы «Анналов» – история ментальностей, гендерная история, микроистория, историческая антропология, историческая когнитивистика, нарратология, потестарная имагология. Интеллектуальная история осуществляет представление знаний как продукта дискурсов. Показательны труды исследователей менталитета, французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф), А. Я. Гуревича, семиотиков. Внимание привлекают историческая и культурная обусловленность знаний, различные возможности их категоризации.

Рефлексии подвергаются ценности дискурса, аксиологическое его измерение. Невозможным становится избежать анализа такого феномена, каким являются современные нам массмедиа. В качестве трудов, фундирующих рефлексии над самим феноменом медийности, необходимо отметить современный французский философский дискурс (М. Мерло-Понти,

Ж. Делез, Ж. Лиотар, Ф. Гватари, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё), труды футурологов и теоретиков глобализации (Э. Тоффлер, М. Кастельс, Э. Гидденс, Р. Робертсон, Г. Шиллер), труды российских политологов – представителей отдельных, наиболее заметных политических медийных дискурсов и их отражения в масс-медиа. Активно формируются дискурс-анализ и на северо-американском континенте (Д. Таннен, Л. Камерон, Д. Шифрин, Дж. Лакофф, Дж. Юл, Блумарт) [11].

Можно отметить разработку современных качественных методов в отечественной гуманитарной науке, среди которых свое место занимает метод дискурс-анализа [10; 14; 15; 18; 19; 23; 24]. Развивается и отечественная теория политического дискурс-анализа (О. А. Малинова, Г. И. Мусихин, О. Ф. Русакова, А. Д. Трахтенберг). Возникает направление исследований, связанное с анализом языковой личности и лингвистической идентификацией личности. Здесь должно назвать и теорию языковой личности, филологическую герменевтику и стилистику декодирования. Показательна теория политической лингвистики – значимы подходы к теории метафоры в политическом дискурсе-анализе, среди которых выделяют риторический, когнитивный и критический – в духе критического анализа дискурса (школа политической лингвистики А. П. Чудинова). Свой вклад в создание метода дискурсивного анализа вносят школа изучения метафоры Дж. Лакоффа и его последователей, направление исследований «политическая персонология», инициированное семинаром по исследованию политического дискурса [16]. Можно указать и на большое количество прикладных исследований – например, работы по гендерной специфике дискурса, работы Г. Г. Почепцова и многочисленные работы по электоральным технологиям.

Особую значимость приобретают когнитивные исследования в лингвистике, проливающие свет на концепты, ценности, типы дискурсов (В. И. Карасик). Эти исследования смыкаются с когнитивными исследованиями, связанными с концептосферой личности и культуры.

Итак, дискурс-анализ представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявляла социокультурные, идеологические, политические религиозные и прочие предпосылки организации высказывания. Дискурс-анализ в поиске своей методологии затрагивает такие фундаментальные вопросы, как соотношение философии, антропологии и социологии познания, формирование категорий социальной перцепции. Показательно, что дискурс-исследования не пренебрегают теориями, возникшими в русле смежных дисциплин, что является лишним свидетельством междисциплинарности анализа дискурса. Это, прежде всего, теория текстовых миров, антропологические исследования, дискурсивная психология, рефлексивная социология, феноменологическая социология, социоконструктивизм и социоконструкционизм, исследования виртуального дискурса. Необходимым представляется отметить инновационность самого метода коммуникации и дискурса в Интернете, оценка социальной значимости которой складывается в наши дни – дискурс мультимедийной журналистики, социальный веб, организационные коммуникации, телемаркетинг, социальные медиа, PR 2.0, политическая мобилизация и информационное противоборство,

коммуникативно-информационное освещение экстремальных событий, подкастинг, педагогическая коммуникация [20].

Дискурсивные исследования способствуют выработке оптики по прочтению текстов массмедиа. Здесь дискурс-анализу «помогают» медиалогия, социология массмедиа. Показательны конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Дискурсивный анализ актуальных политических явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается. Каковы языковые и риторические феномены, заставляющие нас занимать ту или иную точку зрения? Насколько в критических исследованиях дискурса исследователь абстрагируется от этической позиции?

Исследование актуального дискурса есть не что иное, как известная еще издревле практическая политическая риторика, восходящая к античной полемике. В методологии дискурс-анализа она вбирает в себя традицию критического анализа дискурса, представленную в работах Дж. Оруэлла, Т. ван Дейка и Р. Водак, традиции французской школы новой исторической науки и школы исследования дискурса (М. Пеше, П. Серио, М. Фуко, деконструктивизм, школа медиалогии), исследований метафоризации (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Рассмотрение глобальных вопросов информационных технологий характерно для трудов М. Кастельса, Э. Тоффлера, Р. Дебре, М. Маклюэна, Г. Д. Лассуэла, Э. Гидденса, Д. Белла, П. Друкера, Ч. Хэнди, Г. Г. Почепцова, О.В. Гаман-Голутвиной, исследователей социологии массовой коммуникации и других исследователей.

Монополизация социальных представлений глобальными СМИ – проблема общественного мнения в понимании П. Бурдьё. Значима для данных исследований традиция социоконструктивизма. Много и часто справедливо говорят и о манипулируемости социумом при помощи массмедиа, выстроенности такого социального института медиа, который в своих гениальных антиутопиях предсказали О. Хаксли и Дж. Оруэлл. В двадцатом веке в «обществе спектакля» коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Прессу давно, еще со времен классических исследований Торонтской школы, обвиняют в том, что она нагло, цинично, исподтишка управляет новостями, телевидение рассматривают как возможность поддерживать визуальный контроль над собственной жизнью. В столь широком ключе опыт медиа пытаются обсуждать Н. Хомский, Д. Боллинджер, Г. Лассуэл, У. Вайнрайх, П. Бурдьё. Критическая направленность исследований дискурса масс-медиа характерна и для Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас).

В социологической теории глобальные проблемы распространения информации обсуждаются с позиций теории культурного империализма как варианта теории зависимого развития. Разработка мифологии СМИ проводится в традиции критического анализа дискурса. Р. Блакар пишет о языке как инструменте социальной власти, Г. Дебор говорит об обществе спектакля, им вторит П. Вирилио. Любое исследование этой проблематики неизбежно отталкивается от взглядов Г. Лебона, Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Лассуэла, П. Лазарсфельда, Г. Тарда, Г. Инниса, М. Маклюэна, К. Ховланда, Г. Гадамера. Влияние современной коммуникации на опыт человека изучается

в мире (Торонтская школа, Анненбергская школа, Бирмингемская школа, Бодийяр, Лиотар, другие представители постмодерна). Социологи активно обсуждают функции массовой коммуникации, концепции общественного вещания, четвертой власти, свободы печати, влияние СМИ на формирование массового сознания и социальных представлений. В мировой социологии массой коммуникации сформировались четыре теории прессы – авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности, тоталитарная теория. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны стали приметой наших дней.

2. Анализ актуального медиадискурса

Непонятно, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе внимание привлекли освещение бомбардировок в Косово 1999 года и их освещение в сети Интернет. Определенной оптикой снабдила исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г. Г. Почепцова, связанные дискурсом Оранжевой революции на Украине. После событий 11 сентября 2001 года нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми массмедиа [1]. Определенный материал дали этно- и социально окрашенные выступления в Париже 2005 года – нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 году [2]. 2011 год представил материал по беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и масс-медиа избирательные кампании по выборам президентов США и Франции, которая уже выплеснулась и на пространство блогосферы [8], что безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец, операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований [3; 6].

В наших работах нами показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафоры, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса [4; 5; 7].

Так, в связи с событиями в Ливии большинство массмедиа на разные лады повторяло недавно несколько банальных метафор. Смерть Каддафи «открывает дорогу демократии» (*road to democracy*), страна «выбирает

демократическое будущее» (*embarks on the process of democratic future*). «Перевернута страница истории» (*chapter has been closed*).

Диктатор – кровавый, избавлению от которого рада вся страна, который издевался над своим народом (*killed, imprisoned, raped people*). Постоянные рассказы, сопровождавшиеся оценочной лексикой с эмоциональными и экспрессивными коннотациями, повторами про диктатора: *Brutal dictator, 42 years of tyrannical leadership, ruled Libya with an iron fist merciless dictator, tyranny...*

Показательна насмешка над оппонентом, которая выражается даже в выборе цитат из речей Каддафи: *"I am a glory that will not be abandoned by Libya, the Arabs, the United States, and Latin America... revolution, revolution, let the attack begin," Col Gaddafi said on Tuesday*. Это позволяет корреспонденту сделать ироничное заключение о том, что риторика Каддафи – это риторика самопровозглашенного африканского короля: *The rhetoric was typical of the self-declared King of African Kings, Dean of Arab leaders and Imam of all Muslims, who has ruled Libya for 42 years*. Еще раз выражается стратегия высмеивания противника, которая наряду со стратегией гиперболизации является одной из основных в портретировании образа врага в массмедийном дискурсе.

Диктатора поносят из разных авторитетных уст, выступлением в связи с этим ключевых мировых коммуникаторов (генсек ООН, президент США и т.д.): *U.S. President Barack Obama, in a veiled dig at the Syrian and other leaders resisting the democrats of the Arab Spring, declared "the rule of an iron fist inevitably comes to an end."*

После официального подтверждения и сообщения о гибели одного из его сыновей радуется вся страна: *The proud movement, an explosion of relief. Lybia has never seen a party like that, sheer exhilaration, extraordinary event for Lybia rebels rejoice.*

Страна было уже начала распадаться, превращаться в «государственно-неудачник» (оценим семантический потенциал такого стигмата – *failed state*).

Постоянные антиномии. Оппозицией безопасности (*security and prosperity*), принесенным на крыльях бомбардировщиков Франции и Британии, является хаос и опасность (*insecutity, factionalism, economic chaos*). Однако смерть поверженного лидера открывает новую эру – занимается заря демократии: *next stage of transition rule of law*.

Храбры те ливийцы, которые обеспечили свержение Каддафи. Строительство государства нуждается в новых людях, которых нужно переманить (*buy people off*). Столица пала, лидер бежал (*fugitive leader*). Сам лидер, подобно крысе, прятался в канализационной трубе. Он беспомощен. Найденный, он спрашивает «*Что я Вам сделал?!*» Такова же была история и с С. Хуссейном.

Поймавшие диктатора – герои: *People parade with his golden gun. People became instant heroes.*

Не обсуждается, каковы социологические характеристики ливийского общества, каковы экономические параметры жизни, каков уровень гражданских и политических свобод, почему кровавого диктатора еще вчера принимали в самых прогрессивных столицах мира. Не упоминается, что произошло вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

*The offensive not only **toppled** Gaddafi after 42 years in power and six months of **rebellion**, but disarmed critics of Nato's **long bombing campaign**, which proved **crucial** in keeping the fledgling revolution alive and then in grinding down the Libyan leader's ability to fight while the revolutionaries grew in strength. **The architects of Nato's war** – David Cameron, Nicolas Sarkozy and Barack Obama – **breathed a sigh of relief** at the prospect of an end to what had seemed the **interminable and costly bombings**. Now the talk is of a new model of **western interventionism**.*

Такое мнение приводится в *The Observer* от 28 августа 2011 года. Обратим внимание на выделенные оценки.

Дискурс в поддержку Ливии, представленный, например, леворадикальным российским изданием «Завтра» (и этот дискурс уже имеет своих исследователей!), лишь зеркально противоположен исследуемому дискурсу мировых массмедиа.

Использование социальных сетей – примета сегодняшнего этапа медиа-мира. Сети прямо предлагают блогерам поделиться своей точкой зрения. Представляют ли блоги всю палитру взглядов? Каковы особенности политической коммуникации в блогах? Между прочим, аргументированные и бездоказательные комменты – прекрасный полевой материал для исследований, насколько усваивается язык глобальных медиа.

3. Дискурс постконфликтного урегулирования и его анализ

Многочисленными исследователями обсуждается роль США, ООН, ОБСЕ, МВФ, ВББР, неправительственных акторов в постконфликтном урегулировании и *nation-building*.

В ряде работ сегодня поднимается вопрос о важности глобальных информационных технологий и информационной элиты в конструировании социальных представлений. Посмотрим, как метаконцепт «постконфликтное урегулирование и национальное строительство» задает рамку интерпретации событий.

*A rough hierarchy of **nation-building tasks** can be identified as follows:*

Security: *peacekeeping, law enforcement, rule of law, and security sector reform*

Humanitarian relief: *return of refugees and response to potential epidemics, hunger, and lack of shelter*

Governance: *resuming **public services** and restoring public administration*

Economic stabilization: *establishing a stable currency and providing a legal and regulatory framework in which local and international commerce can resume*

Democratization: *building political parties, free press, civil society, and a legal and constitutional framework for elections*

Development: *fostering economic growth, poverty reduction, and infrastructure improvements.*

Необходимым в связи с интерпретацией дискурса постконфликтного урегулирования представляется отметить следующее. Первой жертвой любой войны становится правда, второй – язык. Показательно искажение действительности: *бомбежки = хирургические удары, оккупированные земли* -

= спорные территории, эскадроны смерти = элитные подразделения, убийства = точечная ликвидация, отсутствие оружия массового уничтожения = преувеличенные данные об ОМУ, террористы = борцы за свободу. С этой целью работают когнитивные схемы – сами слова «заложники», «освободители», «бандформирования» – опираются на стереотипы, отражающие наше структурирование действий.

С автоматизацией сближаются представления о словесном камуфляже цинизма в политическом дискурсе, процессах эвфемизации и перифразирования в дискурсе о власти: *prisoners, captives, hostages, rebels, terrorists, bandits* – эти слова применяются в отношении одних и тех же реалий, но они далеко не взаимозаменяемы. Многочисленны примеры эвфемизмов и недомолвок в военно-публицистическом дискурсе: *peace enforcement operation, peacekeeping effort, ethnic cleansing, prisoners, hostilities, collateral damage, scenario-dependent action*. Характерна сложность дефинитивности терминов в политическом дискурсе: *гуманитарная катастрофа, этнический геноцид, демократические институты, санитарный кордон, мироустанавливающие операции, постконфликтное урегулирование, peace-building, peace-making, peacekeeping, peace sustaining, ethnic cleansing, transition, good governance, failed state*.

Семантика, толкование терминов оставляют возможность наполнения явления своими смыслами. Банальность метафоризации – феномен из ряда обсуждаемых: *государство-изгой, ось зла*.

Необходимой становится выработка оптики по прочтению подобного, столь нужной науке и социальной действительности. В этой связи на основе изучения многочисленных публикаций информационно-пропагандистского плана мы можем выделить некоторые частотные риторические техники таких выступлений [3; 5].

Наше внимание привлекают стереотипы, оценочность, политическая (не)корректность в дискурсе политического протеста. Известны представления о политической корректности как когнитивном и языковом механизме с целью скрыть любое неравенство, закамуфлированное за эвфемизмом. Политкорректность проявляется в следующих сферах: пол, религия, цвет кожи, физические недостатки, умственные недостатки, имущественное неравенство т.д. Политической корректности посвящены недавние диссертационные исследования Ю. Л. Гумановой, А. В. Остроух, М. Ю. Палажченко, В. В. Панина.

При описании политического протеста явственны эвфемизации и стереотипы. Показательна сама номинация события: *justice movement, протесты или беспорядки, вооруженные столкновения*. Характерна стигматизация участников беспорядков: *банды, мародеры или повстанцы, недовольные, демонстранты, отбросы общества или недопривилегированные слои, отвергнутые, униженные и оскорбленные, бездельники, подстрекатели*.

Показательны сами названия движений разными сторонами: *radical political movement, justice movement, mass protests, civil unrest, riots, occupy the Wall Street, Occupy the Parliament*. Сравним типичные номинации в их семантическом потенциале: *sans-papiers, immigrants, rioters, extremists*,

gangsters, arsonists, attackers, young gangsters, protesters, gangs of youths, present-day brownshirst, blood-crazed goons.

Очевидно, что описание протеста зависит от политической позиции интерпретатора. Четко выделяются голос правых и левых, голос доминирующих и протестующих.

Это лишь отдельные примеры обращения к стереотипам аудитории, применение тактик паблик рилейшнз и создания имиджа.

Подводя итог, посмотрим на институционализацию дискурс-исследований. В России начал издаваться журнал «Современный дискурс-анализ» [21]. Тексты, принимаемые в журнал, должны соответствовать одной из следующих предметных областей: теория дискурса; методология и методика дискурс-анализа; анализ конкретных типов дискурса; разговорный анализ; критическая теория; социология знания; философия языка; коммуникативные и медиаисследования, а также смежные и аналогичные исследовательские области. Известны несколько публикаций уральской Группы «Дискурс Пи» [13; 17; 22]. Кросс-культурное измерение характеристики дискурсов представляет монография Т. Д. Венедиктовой «Дискурс торга» [9]. Активно проблематизируется поле бизнес-коммуникаций, различных «экстремальных» видов дискурса – террористической угрозы и антитеррористического дискурса.

Целью ближайших лет является создание интегративной концепции критического анализа дискурса, осмысляющей новую роль дискурс-анализа как метода анализа разных дискурсов в социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества и цивилизации знаний и анализ различного рода дискурсов и их типологизация.

Список литературы

1. Бушев, А. Б. Риторический анализ паблик рилейшнз Пентагона при освещении операции в Ираке [Текст] / А. Б. Бушев // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 280–298.
2. Бушев, А. Б. Дискурс мультикультурализма и беспорядки во Франции 2005 года: языковые и психологические аспекты [Электронный ресурс] / А. Б. Бушев // Материалы майских чтений Пермского государственного политехнического университета. – Пермь, 2006. – Режим доступа: <http://maiskoechtivo.pstu.ru/2006/4/2.htm>. – Дата обращения: 20.01.2006. – Загл. с экрана.
3. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика [Текст] : монография / А. Б. Бушев. – Тверь : Деловая графика, 2010. – 260 с.
4. Бушев, А. Б. Жанровое разнообразие инфокоммуникативных ресурсов Интернета и проблемы лингводидактики перевода [Текст] / А. Б. Бушев // Филологические науки в МГИМО. – М. : МГИМО, 2010. – № 40. – С. 72–82.
5. Бушев, А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика [Текст] : монография / А. Б. Бушев. – М : Lambert Academic Press, 2011. – 276 с.
6. Бушев, А. Б., Александрова, С. К. Метафоризации дискурса экономического кризиса [Текст] / А. Б. Бушев, С. К. Александрова // Инновационные технологии бизнес-коммуникаций: стратегии и тактики : мат. международной научно-

- практической конференции (25 ноября 2011 г.) Серия «Коммуникативные исследования. Выпуск 7. – М. : НИУ ВШЭ, 2011. – Вып. 7. – С. 126–134.
7. Бушев, А. Б. Герменевтика актуального медийного дискурса [Электронный ресурс] / А. Б. Бушев // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. – 2012. – Вып. 6. – С. 1–27. – Режим доступа: www.discourseanalysis.org. – Дата обращения: 12. 06. 2011. – Загл. с экрана.
 8. Бушев, А. Б. Идеи предвыборных дебатов в США как культурно-риторический феномен [Текст] / А. Б. Бушев // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. трудов ; отв. ред. Г. И. Гладков. – М. : МГИМО (У) МИД России, 2012. – № 47(62). – С. 22–35.
 9. Венедиктова, Т. Д. Дискурс торго в литературе США [Текст] / Т. Д. Венедиктова. – М. : НЛО, 2002. – 350 с.
 10. Гусельцева, М. С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности [Текст] / М. С. Гусельцева // Журнал практического психолога. – 2009. – № 6. – С. 4–25.
 11. Дискурс [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%F1%EA%F3%F0%F1>. – Дата обращения: 06.12.2012. – Загл. с экрана.
 12. Йорггенсен, М. В. Дискурс-анализ [Текст] / М. В. Йорггенсен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008 – 350 с.
 13. Макаров, Д. И. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня [Текст] / Д. И. Макаров // Свободная мысль. – 2007. – № 6. – С. 217–221.
 14. Мусихин, Г. И. Дискурсивный анализ идеологий [Текст] / Г. И. Мусихин // Полис. – 2011. – № 5. – С. 128–144.
 15. Плахов, В. Д. Социология как дискурс / дискурсы [Текст] / В. Д. Плахов // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 60–66.
 16. Политический дискурс в России [Текст] : хрестоматия ; сост., общая ред. В. Н. Базылева. – М. : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. – 208 с.
 17. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса [Текст] / О. Ф. Русакова // Полис. – 2006. – № 4. – С. 26–43.
 18. Сайт НИЛ 2011 – Научно-исследовательская лаборатория в области исследования бизнес-коммуникаций НИИ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://buscom.hse.ru/news>. – Дата обращения: 12. 01. 2013. – Загл. с экрана.
 19. СДА 2011 – Современный дискурс-анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org>. – Дата обращения: 17.02.2012. – Загл. с экрана.
 20. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ [Текст]. – Екатеринбург : Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.
 21. Тетерин, А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического анализа Н. Фэркло) [Текст] / А. Е. Тетерин // Полис. – 2011. – № 5. – С. 145–150.
 22. Трахтенберг, А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания [Текст] / А. Д. Трахтенберг // Полис. – 2006. – № 4. – С. 44–52.
 23. Углов, Д. В. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и дискурс как условие справедливости [Текст] / Д. В. Углов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 2. – С. 24–28.
 24. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке [Текст] ; под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический проект, 2011. – 332 с.
 25. Van Dijk 2011. Teun A. van Dijk web site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.discourses.org>. – Дата обращения: 13.07. 2012. – Загл. с экрана.

THE THEORY AND METHOD OF DISCOURSE ANALYSIS

A. B. Bushev

Tver State University

The department of journalism and modern Russian literature

The paper dwells on the theory and method of discourse analysis currently elaborated in Russian social, political and media studies. The light is shed upon the sources of the theory, the concepts and ideas important for its methodology. The material under study is modern global media discourse (the events in Libya, post-conflict resolution, protest discourse). The paper presents the original framework of linguistic analysis suggested by the author. This technique is singling out recurrent stereotypes of different linguistic nature (assessments, axiological vocabulary, trite metaphors, clichés, terms with broad and ambiguous semantics). Discussed below are also some typical rhetoric strategies recurrently used in modern mass media discourse.

Key words: *discourse analysis, media discourse, mass media, stereotypes, assessment, semantics.*

Об авторах:

БУШЕВ Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: alex.boushev@list.ru